

Творческое наследие И. А. Новикова в XXI веке

145 лет со дня рождения

Центральная городская библиотека имени И. А. Новикова

Творческое наследие И. А. Новикова в XXI веке

*Материалы Всероссийской научной конференции,
посвящённой 145-летию со дня рождения
И. А. Новикова*

Мценск
2022

Содержание

<i>Грачёва А. М.</i> Паладин Голубой Звезды: 145-я годовщина со дня рождения И. А. Новикова.....	3
<i>Грачёва А. М.</i> Настоящее и будущее России в романе И. А. Новикова «Между двух зорь (Дом Орембовских)».....	6
<i>Громова А. В.</i> Рассказ И. А. Новикова «Пчёлы-причастницы»: творческая история, проблематика, мифопоэтика.....	13
<i>Михеичева Е. А.</i> Два взгляда на одну проблему: И. Новиков «Ночь» – Л. Андреев «Тьма».....	22
<i>Шашикова О. А.</i> Фонд Ивана Алексеевича Новикова в собрании ЦГЛА–ЦГАЛИ–РГАЛИ.....	26
<i>Романенко А. А.</i> Деятельность И. А. Новикова в Литературном фонде СССР (по материалам личного фонда писателя).....	35
<i>Кондратенко А. И.</i> Иван Новиков и Сергей Есенин.....	47
<i>Толкачёв И. Н., Толкачёва И. Л.</i> Образ дяди Вани – писателя И. А. Новикова – в воспоминаниях Елены Шанявской.....	58
<i>Ковтун Л. Д.</i> «Вы единственный, кто нам пишет» (Грин, Новиков и повесть «Феодосия»).....	65
<i>Солодухина Л. Г.</i> Сказки в библиотеке Ивана Алексеевича Новикова.....	74
<i>Тюрин Г. А.</i> Изгнание из усадеб (1925–1930 гг.): к биографиям Шанявских и Браунов.....	77
<i>Ракина Л. К.</i> Тема коллективного труда в романе И. А. Новикова «Страна Лекхорн».....	90
<i>Фёдоров М. Л.</i> Неизвестная рукопись в фонде И. А. Новикова в ОР ИМЛИ РАН.....	96

А. А. Романенко
(Москва)

Деятельность И. А. Новикова в Литературном фонде СССР (по материалам личного фонда писателя)

В личном фонде И. А. Новикова в РГАЛИ хранится группа документов, связанных с его деятельностью в качестве председателя Правления и члена Правления Литературного фонда СССР. Документы такого рода были переданы среди прочих в ЦГАЛИ в 1984 году падчерицей писателя Мариной Николаевной Принц, вошли в состав 4 описи фонда и представлены материалами официального характера (постановления Правления Литфонда СССР, ходатайства и заявления о выдаче денежных ссуд, путёвок и пр.), а также личными письмами к И. А. Новикову как представителю Литфонда; письмами, содержащими просьбы о помощи и благодарности. Безусловно, вошедшие в состав фонда документы не отражают и не могут отразить в полной мере работу Ивана Алексеевича в Литературном фонде. Для понимания масштабов и результатов деятельности писателя правильно было бы привлечь и документы Литературного фонда непосредственно, материалы которого находятся на хранении в РГАЛИ. Однако в данном обзоре мы сознательно не расширяем круг изучаемых документов и ограничиваемся рамками фонда, поскольку нас интересовали собственные представления Ивана Алексеевича Новикова о целях его работы. Изучение оставленных им документов позволяет очертить цельный и законченный нравственный облик писателя, человека обладавшего чрезвычайно ценными и редкими качествами: милосердием, сочувствием, состраданием; не утерявшего готовность оказывать бескорыстную помощь на протяжении всей жизни.

При рассмотрении документов, которые Иван Алексеевич считал необходимым сохранить, становится очевидной неслучайность их выбора. Это были важные, подчас дорогие свидетельства оказанной помощи или же горькие напоминания о напрасных усилиях, личная оценка Иваном Алексеевичем своего труда. На многих, полученных Новиковым письмах и официальных документах, имеются поясняющие по-

меты писателя, свидетельствующие о долгой работе над ними или размышлениях. Многие письма, полученные до войны, Иван Алексеевич сохранил. Можно предполагать, что некоторые из них, особенно значимые, побывали в Тбилиси и Каменске-Уральском, где Иван Алексеевич прожил два года в эвакуации.

В некоторых случаях возможно проследить взаимоотношения с Литфондом тех, кто обращался к его помощи через Ивана Алексеевича. В фонде сохранились официальные документы о выделении помощи или же об отказе в ней. Судьбу некоторых обращений по документам фонда проследить невозможно – на письмах нет помет и можно лишь сострадать авторам горестных и отчаянных посланий, взывающих к Ивану Алексеевичу как единственной надежде. Такова же и ситуация с благодарственными письмами: о характере и об источнике оказанной помощи можно делать предположения, однако, обращение с благодарностью не к Литфонду, а непосредственно к Ивану Алексеевичу ясно свидетельствует о его участии в решении затруднений благодарных корреспондентов.

Для того, чтобы верно оценить значимость усилий Ивана Алексеевича по оказанию помощи нуждающимся писателям, необходимо рассказать о характере деятельности Литературного фонда и задачах, которые он призван был решать. Литературный фонд СССР был создан как общественная организация при Союзе писателей СССР согласно Постановлению СНК СССР № 39 от 28 июля 1934 г. Основной задачей Литфонда было «содействие членам Союза писателей Союза ССР путём улучшения их культурно-бытового обслуживания и материального положения, а также оказание помощи молодым писательским кадрам путём создания для них необходимых материально-бытовых условий»¹. Формально Литфонд являлся самостоятельной организацией, однако, фактически полностью зависел от Союза советских писателей.

Средства Литфонда образовывались из отчислений издательств и редакций в размере десяти процентов от суммы авторского гонорара, из отчислений зрелищных предприятий, из взносов членов организации, из доходов от имущества и капиталов, принадлежащих Литфонду, из ежегодно ассигнуемых государственным бюджетом сумм в размере двадцати пяти процентов к общей сумме поступлений в Литфонд из других

¹ Устав Литературного фонда Союза ССР. М. : ОГИЗ, 1935. С. 4.

источников. Руководство деятельностью Литфонда осуществляло Правление, которое избиралось Президиумом Союза советских писателей².

Первым показателем результативности деятельности Литфонда стало постановление о роспуске Правления Литфонда «за бездеятельность большинства членов Правления, за исключением т. т. Иванова и Жиги»³. Было принято новое положение о порядке оказания материально-бытовой помощи членам организации. Утверждались следующие её виды: специальные пособия начинающим авторам, возвратные пособия, безвозвратные пособия в случаях тяжёлого материального положения и пособия при прохождении военной службы. Была установлена выдача пособий всем членам Литфонда в случае нетрудоспособности в размере от 200 до 600 рублей в месяц, причём для членов ССП до тысячи рублей. Пособие не могло превышать шести тысяч рублей в течение года для членов ССП и трёх тысяч рублей – для остальных членов Литфонда. Средняя сумма ссуды на одного писателя по всему Литфонду составляла одну тысячу шестьсот двенадцать рублей, а по московскому отделению – одну тысячу девятьсот восемьдесят девять рублей⁴.

10 мая 1940 года деятельность Литфонда стала предметом обсуждения на закрытом заседании Союза советских писателей. На заседании было утверждено новое положение о порядке деятельности Литфонда. Помощью этой организации могли теперь пользоваться её члены, их дети, супруги. Предоставлялась помощь нетрудоспособным членам семей умерших членов Литфонда. Право получать помощь этой организации получали престарелые писатели, не являвшиеся членами Литфонда, но имевшие литературные заслуги, нуждающиеся потомки классиков литературы, произведения которых были признаны достоянием государства, талантливые начинающие литераторы, нетрудоспособные родители членов Литфонда⁵.

Очевидно, что столь частые реорганизации свидетельствовали

² Объяснительная записка о работе Литературного фонда СССР по годовому отчёту за 1939 год // РГАЛИ. Ф. 1566. Оп. 1. Ед. хр. 110.

³ Протокол № 12 заседания Секретариата Союза советских писателей от 13 мая 1937 года // Там же. Д. 156.

⁴ Объяснительная записка ... Ед. хр. 110.

⁵ Положение о порядке оказания членам Литературного фонда лечебной, санаторно-курортной и материальной помощи // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 511.

о недостаточной эффективности работы организации. Результаты деятельности волновали и Новикова. В фонде сохранилась копия акта ревизии финансово-хозяйственной деятельности дирекции Литфонда СССР за период 1948–1950 годов⁶. Текст акта изобилует примерами прямых злоупотреблений руководства Литфонда, отношением к организации как средству обогащения и помощи приближённым. На полях акта множество помет Ивана Алексеевича, полных возмущения и негодования. Ревизия установила среди прочего, что руководящие сотрудники многократно получали ссуды и пособия, доходившие до одиннадцать тысяч рублей в год, в то время как нуждающиеся литераторы просили о пособиях в сто, триста рублей и не получали их. В санатории за счёт средств Литфонда ездили по несколько раз в год не только руководящие сотрудники, но и их родственники. Примеры злоупотреблений, о которых Новиков в пометах к тексту указывает: «это просто в Крокодил!», – столь многочисленны, финансовые растраты так велики, что выявленные ревизией мелкие по сравнению с перечисленными нарушения, как, например, непредусмотренные траты на закуски или же факты самовольного захвата руководством для домашнего пользования мебели Литфонда, вызывали у Новикова лишь иронию.

На этом фоне не может не вызывать глубокого уважения стремление Ивана Алексеевича выполнять работу честно и протягивать руку помощи остро нуждающимся в ней. Обратимся же к письмам и документам тех лиц, судьба которых была тяжела в советский период, к тем, кто потерял былую известность и значимость, был стар и немощен, для кого Иван Алексеевич был едва ли не последней надеждой. Таких людей было много, круг литературных знакомств Новикова был чрезвычайно широк. К Ивану Алексеевичу как к председателю правления Литфонда обращаются многие известные писатели; об улучшении условий жизни и лечении писателей больных туберкулёзом пишут Е. Е. Петров, Н. Н. Асеев, И. С. Соколов-Микитов. С просьбами о назначении пенсий, выдаче пособий нуждающимся писателям и их семьям, с ходатайствами о приёме в члены Литфонда обращаются к Новикову М. М. Пришвин, А. М. Коллонтай, А. А. Фадеев, В. Б. Шкловский, В. В. Вересаев и другие. В фонде хранятся и многочисленные благодарственные

⁶ РГАЛИ. Ф. 343. Оп. 4. Ед. хр. 1061.

письма, в частности, от Г. А. Пушкина, Л. Я. Гуревич, свидетельствующие о том, что просьбы о помощи не оставались без ответа.

Некоторые из корреспонденций были введены в научный оборот, как например, письмо М. И. Цветаевой к Новикову, написанное в январе 1940 года в Доме творчества в подмосковном Голицине⁷. Известно, что Цветаева обратилась за помощью в Литфонд в конце 1939 года, вынужденно переехав в Москву из Болшево после арестов дочери, А. С. Эфрон, и мужа, С. Я. Эфрона. Хотя Цветаева не являлась членом Литфонда, организация выделила ей с сыном бесплатные курсовки (путёвки) в Дом творчества в Голицине. Продление возможности жить в Голицине всецело зависело от Литфонда, и показательно, что Цветаева обращается к Ивану Алексеевичу. В письме к Новикову Марина Ивановна объясняет: «В Москве у меня ничего нет, и я совершенно не знаю, что я буду делать, если Литфонд мне откажет». Судьба этого письма известна, Литфонд через Ивана Алексеевича помог Цветаевой, она с сыном провела в Голицине полгода с 16 декабря 1939 года по 11 июня 1940 года⁸.

Обратимся к историям тех лиц, документы которых не вызвали пока большого исследовательского интереса. В фонде сохранились четыре письма второй жены Константина Бальмонта, с которым Новиков был знаком, Екатерины Алексеевны Бальмонт за 1926–1940 годы⁹. Содержание писем позволяет понять, что Иван Алексеевич оказывал поддержку Екатерине Бальмонт с 1920-х годов. Это неудивительно, поскольку Новиков широко занимался общественной деятельностью и до 1939 года, когда занял должность председателя Правления Литературного фонда (после вынужденного перерыва, вызванного войной и эвакуацией, продолжил в 1943 году работу в Совете содействия и в Правлении Литфонда). Иван Алексеевич был многолетним членом правления Московского, а после Всероссийского союза писателей. В 1922 году был избран председателем московского отделения Всероссийского союза писателей.

Благодаря помощи Новикова Екатерина Алексеевна получила в 1930-е годы через Союз писателей СССР пенсию. В начале 1939 года Бальмонт обращается к Новикову с просьбой о подтверждении творческого стажа для получения прибавки к пенсии. Нам известна реакция

⁷ Там же. Ед. хр. 937.

⁸ Лубяникова Е. Неизвестное письмо М. И. Цветаевой. URL: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/10509.php>

⁹ РГАЛИ. Ф. 343. Оп. 4. Ед. хр. 527.

Новикова на это письмо: в документах фонда сохранилась подписанная И. А. Новиковым и В. В. Вересаевым недатированная характеристика на Е. А. Бальмонт с просьбой об увеличении пенсии последней¹⁰. В письмах к Новикову Бальмонт не только просит о финансовом вспоможении, но и обращается за советом к человеку, мнение которого ценит. В письме от 1939 года Екатерина Алексеевна выражает характер взаимоотношений ещё точнее: «У меня никого нет кроме Вас». Помощь Новикова важна настолько, что «если почему-нибудь, Иван Алексеевич, Вам не захочется писать такую бумажку – не пишите. Я просто прекращу эти хлопоты». Иван Алексеевич старался и после поддержать Екатерину Алексеевну. Сохранилось обращение Новикова к председателю Комитета по делам искусств М. Б. Храпченко от 1947 года с просьбой поддержать Литфонд СССР в решении выдать к юбилею восьмидесятилетней Бальмонт пособие в тысячу рублей. На обращении имеется отметка И. А. Новикова о том, что Храпченко в пособии отказал¹¹.

В материалах о работе Новикова в Литфонде сохранилось отчаянное письмо известного философа, переводчика античных текстов и исследователя мифа Якова Эммануиловича Голосовкера. Бесприютный и обездоленный, переживший заключение и ссылку, в апреле 1944 года Голосовкер обращается к Литфонду с просьбой помочь найти жильё; Яков Эммануилович пишет: «Центр моей жизни находится в точке пересечения стола, за которым я работаю... Зимой я проработал над книгой по древнеэллинической мифологии. Я имею твёрдое основание заявить, что моя книга изменяет общепринятые представления об античной мифологии... Труд требует от меня огромного напряжения, отнимая все силы и всё время... И вдруг катастрофа: я лишюсь жилья... Память напряжена до предела: тысячи имён, образов, истолкований, сюжетов... Я реконструирую мифологию по-новому и не могу одновременно конструировать свой быт. Проблема жилплощади – в каждом частном случае – не является теоремой Фермата о квадратуре круга. Литфонд может эту проблему разрешить. Результат моей бездомности сказался: большинство рукописей погибло, основная библиотека и архив сгорели в 1943 г... Такое положение нестерпимо... В первой половине мая я окажусь без крова»¹².

¹⁰ Там же. Ед. хр. 1061. Л. 15.

¹¹ Там же. Л. 31.

¹² Там же. Л. 10.

Можно предположить, что Иван Алексеевич был знаком с Яковом Эммануиловичем через Викентия Викентьевича Вересаева, с которым был связан долгими годами дружбы, и не мог остаться равнодушным к судьбе Голосовкера. Мы не знаем, что предпринял Новиков и предпринял ли для помощи отчаявшемуся Якову Эммануиловичу, однако, в документах фонда сохранилась относящаяся к 1950 году повестка заседания Правления Литфонда, содержащая перечень поданных членами Литфонда заявлений. Среди прочих перечислено и заявление члена Литфонда Я. Э. Голосовкера о продлении путёвки в Дом творчества в Голицине¹³. Отметок об отказе в просьбе, которыми Новиков снабжал заявления, нет, видимо, оно было удовлетворено.

Иван Алексеевич действовал не только в ответ на полученные обращения. В фонде хранится черновик письма Ивана Алексеевича в Литфонд от 31 января 1946 года. В письме Иван Алексеевич рассказывает о том, что в Центральной поликлинике Наркомздрава, где он лечится, служит санитаркой Мария Евгеньевна Салиас, дочь известного исторического романиста Евгения Андреевича Салиаса и внучка А. В. Сухова-Кобылина: «существование М. Е. Салиас печально, последняя одежда и обувь на износе. Очень прошу Литфонд за литературные заслуги её предков выдать временное пособие в размере 400–500 р... Прошу Литфонд также помочь в приобретении одежды и обуви, в чём она безмерно нуждается, но нужно, в сущности, всё, и юбка, и кофточка и пр. Если бы можно было завезти кубометр дров, было бы замечательно»¹⁴.

Можно с большой уверенностью предполагать, что обращение не осталось в черновике и немолодой Марии Евгеньевне помощь была оказана. Сохранились относящиеся к началу 1950-х годов письма Марии Евгеньевны, в которых она горячо благодарит Ивана Алексеевича: «Глубокоуважаемый Иван Алексеевич! Сердечно благодарю Вас за память обо мне. Мне дали 1000 р... очень тронута Вашим вниманием ко мне... очень, очень Вас благодарю»¹⁵.

Многочисленные обращения пожилых и не имеющих средств к жизни литераторов и горячее желание им помочь, не задев, однако, их гордости, привели Ивана Алексеевича к оригинальной идее о творчес-

¹³ Там же. Л. 37.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Ед. хр. 868.

кой помощи пожилым писателям, о «самопособии». Иван Алексеевич предложил дать возможность пожилым писателям зарабатывать: писать воспоминания, получая за эту работу пятьсот рублей в месяц с обязательством сдавать ежемесячно по печатному листу. Известно, что писать воспоминания было предложено четырём литераторам, в том числе давним друзьям Ивана Алексеевича – журналисту Ивану Васильевичу Жилкину и переводчику, театральному критику Любови Яковлевне Гуревич. Иван Алексеевич выступил с инициативой в предвоенные годы¹⁶, работа началась, но прекратилась, очевидно, с началом войны. В 1946 году Иван Алексеевич вновь выступил с предложением помочь материально старикам-писателям, которые пишут или могли бы писать воспоминания. В фонде сохранилась копия обращения Новикова в Правление Литфонда, в котором писатель объясняет своё предложение: «Мы много говорим о доме для престарелых писателей, но его не видно пока даже на горизонте, а в старости, как известно, времени для ожидания природа отпускает не столь много, и помочь нашим старым товарищам до конца дней оставаться активными работниками литературы – это была бы большая радость и для них самих, и для нас: сознание, что мы помогли им это сделать. И ведь, помимо всего прочего, это не было бы для писателей ни ссудой, ни пособием, – они просто получили бы принадлежащий им, заработанный гонорар... А если подумать ещё и об авторах, и притом не с одной материальной стороны, а и со стороны человеческой, чего Литфонд не должен чураться, то какое же это удовлетворение – увидеть свой труд ...вышедшим в свет»¹⁷.

Инициатива Ивана Алексеевича в буквальном смысле спасла жизнь по крайней мере одному из пожилых, не поспевавших за временем литераторов – Колтоновской Елене Александровне. Забытая в наше время, Елена Александровна была известным и влиятельным литературным критиком начала XX века. Литературные обзоры снискавшей славу «суровой критикессы» Колтоновской публиковались в «Жизни», «Образовании», «Новом журнале для всех», «Русской мысли», «Вестнике Европы» и «Библиотекаре». В газете «Речь» Елена Александровна была постоянным критическим обозревателем. Писала о произведениях А. С. Грина, А. И. Куприна, А. Н. Толстого, С. Н. Сергеева-Ценс-

¹⁶ Там же. Ед. хр. 648.

¹⁷ Там же. Ед. хр. 701. 1061. Л. 29.

кого, А. И. Новикова и других современных и популярных писателей. После 1917 года работала в Госиздате, читала лекции в ленинградском Доме учёных им. М. Горького, была членом литературной секции Ленинградского отделения Союза писателей СССР, работала в журнале «Работница» и «Крестьянка».

В фонде Новикова хранятся письма Елены Александровны к нему за 1927–1950 годы¹⁸. Переписка была интенсивной, сохранилось более восьмидесяти писем. Переписка прервалась во время войны и возобновилась в 1944 году. Критик и писатель в письмах вели творческий диалог, переходивший иногда в бурную дискуссию, однако, содержание писем Колтоновской меняется в предвоенные годы, рассуждения о назначении литературы, обсуждение новых произведений и особенностей писательского стиля разных авторов сменяются озабоченностью бытовой стороной жизни и возрастающим унынием. В конце 1930-х годов умирает муж Колтоновской, поэт и переводчик, пожилая женщина оказывается в одиночестве на Украине, в маленьком селе в Сумской области. Причины переезда Колтоновской из Ленинграда, где они жили с мужем, в украинское село неизвестны, однако, в одном из писем к Новикову она сообщает о том, что хотела бы добиться свидания с «Вышинским или даже Молотовым, рассказать о своём поражении и просить пересмотра дела». Переезд в родные для Колтоновской места – она родилась в Киеве – был, очевидно, вынужденным.

Литературного заработка с конца 1930-х годов Елена Александровна не имела, и как литератор непоправимо отставала от требований нового мира, не осознавая однако своей несовременности, и так объясняла Новикову свою позицию: «Некоторые мои теоретические высказывания, хотя не стоят в прямой связи с Лениным и Марксом, а являются плодом собственного критического опыта, всё же могли бы частично пригодиться. Прежде всего критиком нужно родиться, а по наказу сделаться нельзя. Критику не нужно ничего доказывать и аргументировать читателю. Он должен почувствовать и понять – осмыслить художественное произведение и затем искренне, правдиво передать его впечатление, никаких посторонних литературе целей себе не ставя... Никаких отчётов критик писать не должен. Ему нужно писать о том, что ему показалось значительным, что задело его ум и сердце»¹⁹. Иван

¹⁸ Там же. Ед. хр. 701, 702.

¹⁹ Там же. Ед. хр. 702. Л. 23.

Алексеевич пытался помочь Колтоновской с публикацией заметок, однако, как следует из писем, потерпел неудачу, что неудивительно, учитывая взгляды Колтоновской на творческие задачи.

За помощью к Ивану Алексеевичу Колтоновская обращалась не только как к старому другу. Её письма хорошо иллюстрируют бюрократическую неповоротливость Литфонда по отношению к малоизвестному писателю: «Сообщила о своём затруднительном положении месяц тому назад в свой литфонд (ленинградский), членом которого состою и аккуратно плачу взносы, но в ответ гробовое молчание... Вот каковы наши ленинградские писательские бюрократы», «Кинулась... в Литфонд. Оказывается, чтобы получить сто рублей, нужно подать заявление за подписью двух членов Союза (а сама я ведь член Литфонда, не только Союза), после чего это пойдёт в Комитет, и через недельку можно будет получить. Плюнула и ушла», «Меня, оказывается, в московском Союзе не знают даже по имени, меня переименовали из писательницы во вдову писателя и переслали моё заявление в Киевское отделение Литфонда для оказания мне посильной помощи. Это письмо получила только на днях, через четыре месяца после того, как просила о пособии». С 1941 года Литфонд обещал Колтоновской помочь увеличить пенсию, однако и в 1949 году это обещание не было выполнено.

Безденежье Елены Александровны было хроническим, несчастья и трагические случайности преследовали её: нанятая прислуга в отсутствие хозяйки съедает недельный запас продуктов; хулиганы похищают кошку, которую приходится выкупать; в магазине Елена Александровна теряет портмоне со всей наличностью; «урки» похищают на базаре единственную ценность – туфли; во время поездки в Ленинград Колтоновская теряет все деньги и документы; у дома, где она живёт, обваливается крыша, и она живёт под открытым небом. В октябре 1940 года Колтоновская пишет Новикову: «меня обокрали... отняли последний тёплый платок... Сижу и плачу: ни топлива (вернее, денег на покупку топлива), ни защиты от холода. Теперь уже нет другой надежды, кроме как на Ваш Литфонд»²⁰.

Положение Елены Александровны становится совсем отчаянным после войны. В апреле 1945 г. она пишет: «Как видите, у меня ни

²⁰ Там же. Л. 19.

бумаги, ни пера, ни конвертов... две недели я была без пищи, без питья, познала в первый раз в жизни, что есть фактический голод (ужас звериный), и смиренно подготовилась к смерти от голода. Итак, передайте вопль мой писателям: Спасите!»²¹.

Одинокой и несчастной Колтоновской требовалась не только финансовая помощь, но в большей даже степени – дружеская поддержка. Елена Александровна называет Ивана Алексеевича единственным своим другом, упрекает в том, что он ей пишет лишь по делу, многократно благодарит за ласковые письма, редкие в суровый век, за дружескую чуткость. Новиков высылает Колтоновской свои произведения, утоляя творческий голод критика, о чём она пишет с восторгом: «Я их проглотила с аппетитом остро голодающего человека и с большим удовольствием... единственным чтением и прибежищем в тяжёлые минуты является книга Новикова о Пушкине»²².

Иван Алексеевич много сделал, чтобы помочь Колтоновской; благодаря его поддержке она получала нерегулярные денежные пособия в 1947–1950 годах, причём в 1947 году общая сумма составила одну тысячу пятьсот рублей.

Бесконечная череда неприятностей всё больше подрывала дух и внутренние силы Елены Александровны. В апреле 1946 года она пишет Новикову: «Я живу во всех отношениях плохо, и последнюю суровую зиму выдержала с трудом, и не знаю, возможно ли для меня возрождение... Состояние моё сейчас столь ужасно – моральное и умственное, что это не выразить словами»²³. В 1949 году у Колтоновской конфисковали скот и постройки, она осталась, по её словам, «в одной рубашке, боса и гола».

Иван Алексеевич нашёл вернейшее средство, которое помогло Елене Александровне поверить в свои силы. В октябре 1950 года она пишет Новикову восторженное письмо: «Это было как электрический ток, как взрыв бомбы. Я стала другим человеком. Куда делась расхлябанность и подавленность! То цепкое жизнелюбие, бывшее непонятным, превратилось в сознательную любовь к жизни и жажду жить и писать!»²⁴. Это письмо было ответом на предложение Ивана Алексеевича завер-

²¹ Там же. Л. 36.

²² Там же. Л. 23.

²³ Там же. Л. 40.

²⁴ Там же. Л. 87.

шить начатые когда-то воспоминания, и в нём нет ни одного привычного для писем прежних лет упоминания о неурядицах, лишь творческие планы и устремлённость в будущее. К сожалению, воспоминания при жизни Елены Александровны – а умерла она в 1952 году – не были опубликованы, однако искра жизни, которую разжёл Иван Алексеевич, осветила радостью и оптимизмом последние годы пожилого литератора.

Один из дореволюционных критиков, рассматривая творчество Новикова и рассуждая о «живом начале», его питающем, полагал, что Новиков хочет жить так, чтобы «небо было в душе»²⁵. Жизненный путь писателя убеждает в правильности этой мысли. Волновавшие Новикова в литературном творчестве вопросы нравственности и морали, духовного выбора были решены им для самого себя совершенно однозначно. В одном из писем к близкому другу, Ивану Алексеевичу Жилкину, Новиков так описывал выход из сильнейшего душевного кризиса: «И я спасся. Что меня спасло – я сам, моё бессознательное или общее какое-то движение жизни, в которое я всё входил как какая-то часть – ничего не знаю. И я опять стал не чужой миру, а свой, весь в нём»²⁶. Необходимое для душевного равновесия ощущение сопричастности миру достигалось честностью перед собой, открытостью к людям.

Завершить настоящий обзор хотелось бы стихотворением Ивана Васильевича Жилкина. Поздравляя Ивана Алексеевича 18 января 1952 года с именинами, Иван Васильевич посвящает ему безыскусное, но полное признательности стихотворение, подмечающее одно из важнейших качеств Новикова:

Из граней всех твоих, как чудо,
Милее нам мерцает та,
Что без натуги иль причуды
Мы именуем «доброта».
Она мерцает, разгораясь
Из года в год теплей и ярче,
И жмутся к ней, в тепле нуждаясь,
Те, кто застыл бы, не иначе²⁷.

²⁵ Вяткин Г. Из новинок беллетристики. Рассказы И. Новикова // Сибирская жизнь. 1912. 14 дек. (№ 277). С. 2.

²⁶ РГАЛИ. Ф. 343. Оп. 4. Ед. хр. 386.

²⁷ Там же. Ед. хр. 648.